

Constance Classen. *The Deepest Sense: A Cultural History of Touch.* Urbana; Chicago; Springfield: University of Illinois Press, 2012. xvii + 227 p.

Монография К. Классен “The Deepest Sense: A Cultural History of Touch” посвящена некоторым культурным контекстам осязания в эпоху европейского Средневековья и Нового времени. Автор ставит под сомнение распространенную схему модификации чувств «от осязания к зрению» и старается показать более сложные пути изменения тактильных практик. В рецензии рассматриваются особенности синхронного и диахронного подходов к изучению осязания и обсуждаются вопросы поиска и отбора материала при исследовании чувственной проблематики.

Ключевые слова: антропология чувств, осязание, культурная история, общество модерна.

«Глубинное чувство» — новая книга канадской исследовательницы Констанс Классен, одной из ведущих специалистов по культурной истории и антропологии ощущений. Эта монография продолжает ее предыдущие штудии в области «низших чувств» — к ним по западноевропейской традиции, восходящей к неоплатоникам, относят вкус, обоняние и осязание [Classen, Howes, Synnott 1994; Classen 1998; 2005]. Книга вышла в серии “Studies in Sensory History”, которую с 2011 г. выпускает издательство Иллинойского университета и курирует историк Марк М. Смит, автор качественной обзорной монографии о социокультурном значении чувств прошлого [Smith 2007].

Интерес Констанс Классен к культурной истории осязания совершенно закономерен. Почти тридцать лет она работает в составе монреальской группы CONSERT (Concordia Sensoria Research Team), основанной ею совместно с социальным антропологом Дэвидом Хоувзом и социологом Энтони Синноттом для «изучения социального и культурного бытования чувств». Для социальных исследователей чувства долго оставались вне поля зрения: проблема чувственного восприятия традиционно числилась по ведомству психологии, а антропо-

логи, за исключением Маргарет Мид и Лоуренса К. Фрэнка, по-настоящему заинтересовались чувствами — в первую очередь неевропейских народов — лишь с 1960-х гг. благодаря работам бихевиористов и социобиологов (см., например: [Williams 1966; Shuter 1976]). Классен и ее коллеги считают своими задачами изучение социальных импликаций чувств и чувственного языка социума, «существующего постольку, поскольку он основывается на консенсусе», т.е. на «со-чувствовании»¹, и расширение исследовательской оптики историков и антропологов, которым давно следовало бы обратить внимание на то, как чувства формируют культурные ценности общества (Р. XII).

Размышляя о недостаточном внимании к чувствам и преобладании в социальных науках «окулоцентричного», визуального подхода к информации, Классен и другие участники CONSERT последовали за теоретиком коммуникации Маршаллом Маклюэном (неслучайно сама Классен была стипендиаткой гранта имени Маклюэна в Университете Торонто), но зашли дальше него. В программной книге «Галактика Гутенберга» (1962) Маклюэн увидел «великий водораздел» (*great divide*) между Средневековьем и Новым временем, между «традиционными» обществами и индустриальным западным обществом в повышении авторитета зрения и изменении конфигурации способов познания — от устной культуры к письменной, от уха к глазу, от разностороннего мультисенсорного восприятия к огрублению всех чувств, за исключением зрения [Маклюэн 2003: 39–40]. Современные критики этой модели подчеркивают ее евроцентричность, упрощенность и невнимание к деталям и историческим сдвигам, благодаря которым социальные смыслы чувств постоянно меняются. Так, даже в эпоху Просвещения, от которой вслед за Мишелем Фуко принято отсчитывать движение к тотальной западноевропейской диктатуре глаза, победа зрения над прочими чувствами была далеко не очевидна: выдвигание чувств в социальное пространство происходило в разных социальных слоях по-разному, а усиление роли зрения как инструмента научного познания сопровождалось сомнением в объективности наблюдаемого — и это сомнение только усилилось к концу XIX в. [Smith 2007: 27–39].

Маклюэн был не единственным, кто испытывал интерес к чувственной проблематике. Психологи, семиотики и специалисты по невербальной коммуникации занялись чувствами в целом и осязанием в частности до того, как чувства привлекли

---

¹ Процитированная формулировка содержится в анонсе журнала “The Senses and Society” <www.nyu.edu/classes/bkg/web/SensesSociety.pdf>; см. также: [Howes 2006].

внимание историков и антропологов (см., в частности: [Geldard 1961; Gibson 1966; Montagu 1971]). Собственно, именно в рамках семиотики и возникла гаптика — наука о тактильных знаках и правилах тактильной коммуникации, т.е. о коммуникативном аспекте осязания, которое в западной культурной традиции считается наиболее интимным, «глубинным» — и наиболее трудным для аналитического описания из-за присущей ему дисперсности [Hall 1966: 60–63, 116–119] и недифференцированности [Smith 2007: 94]. В рамках гаптики выделяются бытовые и культурные касания, описываются функции касаний в коммуникации и смыслы касаний как невербальных актов взаимодействия, исследуются гендерные, возрастные, ситуативные и кросскультурные особенности прикосновений как важнейшего элемента невербального поведения [Frieze, Ramsey 1976; McDaniel, Andersen 1998; Крейдлин 2002: 412–456]. Для гаптики, укорененной в структуралистской парадигме, в первую очередь характерны синхронный подход и осмысление тактильности как системы, как определенного языка — это отличает ее от новейших антропологии и культурной истории чувств.

Современных историков и культурологов, изучающих осязание [Harvey 2002; Paterson 2007; Paterson, Dodge 2012], к которым принадлежит и Констанс Классен, интересует не система, а культурный контекст; не коммуникация, а бесконечное разнообразие культурных смыслов; не синхрония, а диахрония, высвечивающая малозаметные составляющие исторического опыта. Исторической изменчивости осязания и посвящена рецензируемая монография. Первым подступом канадской исследовательницы к тактильной проблематике был ридер 2005 г., составленный из новых статей и фрагментов классических работ Норберта Элиаса, Роя Портера, Питера Гэя, сэра Кита Томаса, Донны Харауэй, дополненный манифестом Ф.Т. Маринетти и автобиографическим очерком Темпл Грандин о машине для объятий [Classen 2005]. Разработанный для этого ридера рубрикатор, хоть как-то структурирующий предмет исследования, — сложный и расплывчатый, восстанавливаемый лишь по косвенным свидетельствам и требующий недюжинной работы воображения, — Классен частично использовала и в «Глубинном чувстве».

Вопреки амбициозному названию книга Классен не описывает историю осязания *en gros*, а сосредоточивается на европейском Средневековье и Новом времени. Такой выбор исторического периода Классен объясняет несправедливой, но популярной репутацией Средних веков как темного и варварского времени, полагавшегося в первую очередь на статичное осязание, и столь же популярным представлением о Новом времени как движе-

нии от субъективного осязания к объективному зрению (Р. XII—XIV)¹. Цель Классен — поставить распространенную схему под сомнение и нарисовать куда более сложную картину. В центре внимания автора — упадок средневековой тактильной космологии, постепенное формирование модернистской «культуры комфорта» и маркетинг тактильных практик, изменение медицинских воззрений на человеческое тело и перенесение фокуса внимания с поверхности кожи на внутренний мир нервов, индустриализация прикосновения как результат промышленной революции. Книга состоит из короткого введения, представляющего собой оммаж исторической школе «Анналов», и восьми глав, посвященных, соответственно, проксемике и интимной дистанции в средневековой Европе («Место у очага»), тактильности сакрального («Господь осязаемый»), боли и наказанию («Болезненные времена»), соблазну и гендерному разделению труда («Прикосновение женщины»), взаимоотношениям с животными («Звериные шкуры»), эстетическому осмыслению прикосновения («Искусство осязания») и тактильным реформам Нового времени («Осязание модерна» и «Новые ощущения»). Отдельные параграфы представляют собой переработанные фрагменты из предыдущих работ Классен [Classen 1998; 2005].

Классен видит свою задачу в анализе тактильных практик Средних веков и Нового времени в связи с актуальным культурным контекстом, в исследовании факторов, повлиявших на изменение этих тактильных практик, в описании различных социальных ситуаций обучения прикосновениям (так, примечательно, что запрет трогать музейные экспонаты укореняется одновременно с развитием универсальных магазинов, побуждающих покупателей активно ощупывать, примерять и пробовать товары, — р. 176–178, 191–197)². Тем не менее на вопрос, чему именно посвящена эта книга, не получается ответить однозначно. Под одной обложкой находятся размышления о целом ряде явлений, связанных между собой лишь временными рамками и локализованных в условной Европе, с экскурсами в Античность и историю Соединенных Штатов, без попыток привлечения этнографического или компаративного материала.

¹ О необходимости изучения тактильности модерна, которую в течение нескольких десятилетий заставляла теория «великого водораздела», см. в [Chidester 2005: 61].

² Вероятно, подобное демократическое ощупывание предметов потребления и тактильная оценка их качества в позднее Новое время связаны с двумя социальными сферами — сферой ремесла и профессионального знания (например, когда плотность теста, степень обработки кожи или скрученность нити определялись на ощупь) и сферой знаточества, где посредством прикосновений к предметам роскоши и искусства утверждалась социальная иерархия. Об этом свидетельствуют многочисленные портреты XVIII — начала XIX вв., на которых позирующие подчеркивают свой статус, разглаживая шелк, кружево, мех или держа в руках безделушку. О тактильности обладания и овеществлении социальных отношений в европейской масляной живописи см.: [Бергер 2012 (1972): 96–104].

ла (хотя разговор о соблазняющем прикосновении, не затрагивающий тему ориентализма, или наблюдения о социальной дистрибуции роскоши без постколониального анализа будут явно неполными). С одной стороны, это обусловлено тем, что касания не только функционируют в самых разных коммуникативных ситуациях — от бытовых до ритуальных [Крейдли 2002: 412], но и обладают высокой вариативностью и изменчивостью — как ситуативной, так и исторической. С другой стороны, осязание понимается Классен исключительно широко (что, в частности, дает повод задуматься о понятийной разнице между английским *touch* и русским «осязанием»). Это и непосредственное осязательное впечатление, которое человек ощущает кожей, и ощупь — когнитивно направленное прикосновение пальцев, и жест в самом широком смысле (не только жестовые касания — приветствия и прощания, наложение рук, поцелуй, отдавание чести, но и диагностические — измерение пульса или температуры, и технические — например, включение электричества), и дисциплина тела, которая может выражаться в автоматизме движений и интериоризации норм телесной экспрессии, и разнообразные внутренние ощущения: боль, удовольствие, тонкое осязание, термоцепция (Р. XIV).

Такое расширение смысловых границ, пожалуй, могло бы иметь право на существование, если бы Классен проблематизировала само понятие осязания / прикосновения и попыталась описать его смысловое наполнение в диахронии. Тогда читатель увидел бы подвижность этих границ и задался вопросом о незыблемости той конфигурации чувств, которая в западноевропейской культуре долгое время принималась за данность, за точку отсчета в отношениях человека с внешним миром. Классен этого не делает, предпочитая группировать сюжеты по темам и эпохам, соединяя пятое чувство с шестым — проприоцепцией (кинестетическим или суставно-мышечным чувством)¹, с ощущением температуры и другими далекими от осязания явлениями и систематически отвлекаясь на яркий, но посторонний материал. Приведу в этой связи лишь один пример. Размышляя о неприкасаемости, Классен пишет о социальных правилах, действовавших в отношении слепцов, прокаженных и зачумленных (которые считались оскорбляющими все чувства, а не только осязание), по ассоциации переключается на пляску святого Вита и тут же, увлекшись темой танца, упоминает *danse macabre*, известный аллегорический сюжет средневековой живописи и литературы. К неприкасаемости пляски смерти не имеют никакого отношения,

¹ Проприоцепция была открыта британским физиологом Чарльзом Шеррингтоном в 1890 г. См. описание утраты проприоцепции в [Сакс 2012: 72–86].

но в связи с осязанием могут натолкнуть на размышления о генезисе образа смерти, которая за руку ведет людей к могиле, о конкуренции топосов «прикосновение смерти» и «дыхание смерти», о ренессансной контагиозной — буквально «контактной» — теории патогенеза, связывающей распространение болезней с прикосновением (и тесно связанной с эпидемией сифилиса, занесенного в Старый Свет из Нового). Могут, но, увы, не наталкивают.

Отсутствие авторской рефлексии над границами осязания заставляет задаться этим вопросом читателя: а что представляет собой прикосновение как таковое? В разделе о ведьминском прикосновении, отравляющем еду и портящем урожай (Р. 90–92), приведены источники, которые в первую очередь свидетельствуют о вере в слез и только во вторую — о прикосновении (хотя данные о том, что тела ведьм представлялись твердыми и жесткими и в этом смысле отличались от мягких и податливых тел обычных женщин, так же как и аскетичные тела женщин-святых, исключительно интересны). Насколько материальным может или должно быть прикосновение, чтобы его интерпретировали как прикосновение? В европейских и неевропейских языках зафиксированы представления о том, что можно затронуть чью-то честь, чувства, запятнать память, передать магическое знание, «скинув» его на какой-нибудь предмет, или прикоснуться — тем или иным способом — к запретной для чужаков индивидуальной или коллективной доле, судьбе, удаче. Например, в [Williams 1966: 35–36] описываются малайские представления о вербальных прикосновениях к чужой удаче, вторжениях в чужое пространство, покушениях на время и другие явления, не имеющие физических носителей. В европейских традиционных обществах также были или есть запреты трогать вещи, связанные с коллективной или личной удачей, здоровьем, благосостоянием и т.п., и существовали и существуют категории людей, обладающие способностью прикасаться к предметам и вещам, запретным для остальных. Данную проблематику Классен, к сожалению, не обсуждает, хотя постановка такого вопроса позволила бы понять, что общего между королевским наложением рук на темя золотушного, церковным почитанием мошей и народными колдовскими практиками, и продемонстрировала бы роль осязания в опыте переживания сакрального (будь то раннехристианский континуум боли и экстаза или реликты аграрных культов). И, шире, позволила бы задаться вопросом, как секуляризация и демократизация западноевропейских обществ влияла на «реальное» наполнение двух основных категорий, предписываемых культурой, — того, что трогать можно, и того, что трогать категорически нельзя.

Как бы то ни было, Классен расширяет осязание за счет всех так или иначе примыкающих к нему понятий и явлений, а вместо локальных традиций пытается нарисовать общую картину сдвига от средневековой чувствительности к чувствительности модерна, и поэтому книга неизбежно теряет фокус. Она оказывается в большей степени об идеологиях — фундаментальных философских концепциях, церковных догматах и эстетических программах, чем непосредственно о практиках осязания, наделавшихся социальным смыслом в определенном месте и в определенное время. Тематическое построение монографии отчасти нивелирует заявление об исторической и локальной специфичности осязания и мешает автору критически взглянуть на саму идею сдвига чувствительности и увидеть социальные ограничения этого сдвига.

Например, Классен пишет о том, как вынужденная тактильность средневекового жилища сменилась новой тактильностью комфорта в городе эпохи санитарной революции, забывая о том, что и во время гигиенических реформ середины XIX в., и после открытия электричества дома и трущобы с лучинами и свечами продолжали существовать, а значит, усложнились и конфигурация чувствительности, и социальные импликации тактильности. Или же, говоря о гендерном аспекте осязания, Классен подробно пересказывает гуморальную теорию, согласно которой мужчины считались горячими, сухими и рациональными, а женщины — холодными, влажными и эмоциональными (Р. 71–74), но почти не приводит примеров, которые свидетельствовали бы, до какой степени подобные воззрения были усвоены в народной или аристократической культуре. Классен иллюстрирует веру в холодную конституцию женщин случаями сжигания ведьм (огонь, как сухая и мужская стихия, должен был очистить холодную и грешную женскую плоть). Однако, судя по другим работам [Гинзбург 2000; Ле Руа Ладюри 2001], подобная интерпретация — достаточно поздняя: мужчин-еретиков и мужчин-содомитов также предавали казни через сожжение, а женщин-ведьм не менее регулярно топили. Лечили ли мужчин и женщин по-разному и по-разному ли к ним прикасались врачи и целители? Рекомендовались ли им разные диеты? Описывали ли современники прикосновение к женскому и мужскому телу по-разному и какие части тела при этом упоминались? В какой момент и в каком контексте вообще возникли оценка прикосновения к другому и рефлексия над его «качеством» («холодные пальцы», «вялое рукопожатие» и т.д.)? Менялось ли восприятие таких прикосновений с изменением социальных норм (от контактных — к дистантным, от асимметричных, вроде целования рук или плеча, — к симметричным, вроде поклонов или рукопожатий)?

Вопрос источников и библиографии для подобной обзорной работы оказывается вообще одним из важнейших. Поскольку материалы по осязанию весьма разрозненны, исследовательнице приходится работать не с прямыми источниками, а с корпусом исследований по медиевистике. В ряде случаев это работы ее предшественников и коллег, непосредственно посвященные осязанию, но большую часть составляют классические исследования, авторов которых тактильность интересовала далеко не в первую очередь (в обширной библиографии Классен — Марк Блок, Люсьен Февр, Жорж Дюби, Филипп Арьес, Ален Корбен, Жак Ле Гофф, Робер Мандру, Питер Бёрк, Роже Шартъ). Эта особенность, безусловно, облегчила жизнь автору книги, но она же послужила причиной регулярных смещений и искажений в интерпретации. Скорректировать их можно было бы с помощью данных этнографии (так Классен поступала в своих предыдущих публикациях), но в рецензируемой книге они отсутствуют.

Иногда обращение Классен к вторичным источникам выглядит курьезно: она предпочитает рассуждать о языке символов там, где в первую очередь необходима историческая антропология. Так, в предисловии упоминается классическое исследование Марка Блока о королях-чудотворцах и лечении золотухи наложением рук (1924), но в самой книге этому сюжету не находится места. Вторая глава о тактильности сакрального включает параграф об ордалиях, или испытании огнем. Вопреки ожиданиям автор говорит о проверке мощей с помощью пламени, а куда более известный пример такого испытания — «Божий суд» — не упоминает вовсе, хотя что может быть тактильнее, чем этот средневековый детектор лжи, принявший форму вложения в руки каленого железа. В той же главе о сакральном Классен умудряется начисто забыть о стигматах и стигматизации — буквальном прикосновении к телу Христа и разделении страданий [Желис 2012: 18–22]. В главе о прикосновении к животным несколько страниц посвящено бестиарию чувств и животным-компаньонам святых, но нет ни слова о гигиеническом использовании домашних животных и их чувств, скотоложстве или юридических попытках светского и церковного суда ужесточить границы между людьми и животными [Мэтьюс-Грико 2012: 150–156].

Обращает на себя внимание и недостаточное количество исследований по истории тела и сексуальности: в книге отсутствуют ссылки на соответствующие работы Фуко (из его книг Классен пригодилась лишь «Надзирать и наказывать» — для раздела о муштре) или трехтомную «Историю тела» (2005–2006), изданную под редакцией крупнейших французских специалистов по телесности — Алена Корбена, Жан-Жака

Куртина и Жоржа Вигарелло [Corbin, Courtine, Vigarello 2005–2006]. Вообще количество франкоязычных исследований в списке литературы ничтожно, хотя повседневность Средневековья наилучшим образом исследована именно во французской научной традиции. Вопрос о том, насколько в тот или иной период разрешалось, запрещалось или игнорировалось прикосновение к самому себе — от аутоагрессии до аутоэротизма, также заслуживает большего внимания, чем пара абзацев о флагеллантах (Р. 34–35), в том числе постольку, поскольку он связан с культурными репрезентациями тела, владением телом и правом на прикосновение, которое культура резервирует за строго определенными его частями.

Указанные недостатки можно множить. Тем не менее все они относятся к уровню отбора материала и его интерпретации, тогда как другую задачу — возможно, более насущную при нынешнем состоянии истории и антропологии чувств — книга Классен выполняет. «Глубинное чувство» наносит еще один удар теории «великого водораздела», подводит промежуточные итоги почти двадцати годам исторических исследований осязания и дает пищу для размышлений и постановки более тонких и точных вопросов.

Библиография

- Бергер Дж.* Искусство видеть. СПб.: Клаудберри, 2012. 184 с.
- Гинзбург К.* Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Желис Ж.* Тело, церковь, религия // Корбен А., Куртин Ж.-Ж., Вигарелло Ж. (ред.). История тела: в 3 т. / Пер. с фр. М.С. Неклюдовой, А.В. Стоговой. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 13–64.
- Крейдли Г.Е.* Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
- Ле Руа Ладюри Э.* Монтаяю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 544 с.
- Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2003. 432 с.
- Мэтьюс-Грико С.* Тело и «другие формы» сексуальности: Между толерантностью и подавлением // Корбен А., Куртин Ж.-Ж., Вигарелло Ж. (ред.). История тела: в 3 т. / Пер. с фр. М.С. Неклюдовой, А.В. Стоговой. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 150–168.
- Сакс О.* Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. М.: АСТ, 2012. 320 с.
- Chidester D.* The American Touch: Tactile Imagery in American Religion and Politics // Classen C. (ed.). The Book of Touch. Oxford; N.Y.: Berg Publishers, 2005. P. 49–65.

- Classen C.* The Color of Angels: Cosmology, Gender and the Aesthetic Imagination. L.; N.Y.: Routledge, 1998. 256 p.
- Classen C.* (ed.). The Book of Touch. Oxford; N.Y.: Berg Publishers, 2005. 478 p.
- Classen C., Howes D., Synnott A.* Aroma: The Cultural History of Smell. N.Y.; L.: Routledge, 1994. 256 p.
- Corbin A., Courtine J.-J., Vigarello G.* (dir.). Histoire du corps: 3 vols. P.: Éditions du Seuil, 2005–2006.
- Frieze I.H., Ramsey Sh.J.* Nonverbal Maintenance of Traditional Sex Roles // Journal of Social Issues. 1976. Vol. 32. No. 3. P. 133–141.
- Geldard F.A.* Cutaneous Channels of Communication // Rosenblith W.A. (ed.). Sensory Communication. Contributions to the Symposium on Principles of Sensory Communication, July 19 – August 1, 1959, Endicott House, MIT. Cambridge, MA: The MIT Press, 1961. P. 73–87.
- Gibson J.J.* The Senses Considered as Perceptual Systems. Boston: Houghton Mifflin, 1966. 335 p.
- Hall E.T.* The Hidden Dimension. N.Y.: Doubleday, 1966. 201 p.
- Harvey E.D.* (ed.). Sensible Flesh: On Touch in Early Modern Culture. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002. 328 p.
- Howes D.* Charting the Sensorial Revolution // The Senses and Society. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 113–128.
- McDaniel E., Andersen P.A.* International Patterns of Interpersonal Tactile Communication: A Field Study // Journal of Nonverbal Behavior. 1998. Vol. 22. No. 1. P. 59–75.
- Montagu A.* Touching: The Human Significance of Skin. N.Y.: Harper&Row, 1971. 494 p.
- Paterson M.* The Senses of Touch: Haptics, Affects and Technologies. Oxford; N.Y.: Berg Publishers, 2007. 224 p.
- Paterson M., Dodge M.* (eds.). Touching Space, Placing Touch. Ashgate: Farnham, 2012. 271 p.
- Shuter R.* Proxemics and Tactility in Latin America // Journal of Communication. 1976. Vol. 26. No. 3. P. 46–52.
- Smith M.M.* Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History. Berkeley: University of California Press, 2007. 180 p.
- Williams T.R.* Cultural Structuring of Tactile Experience in a Borneo Society // American Anthropologist. 1966. Vol. 68. No. 1. P. 27–39.

Мария Пироговская

Review of Constance Classen, *The Deepest Sense: A Cultural History of Touch*. Urbana; Chicago; Springfield: University of Illinois Press, 2012, xvii + 227 pp.

Maria Pirogovskaya

European University at St Petersburg
3 Gagarinskaya str., St Petersburg, Russia
mpirogovskaya@eu.spb.ru

“The Deepest Sense: A Cultural History of Touch”, a monograph by Canadian scholar Constance Classen, explores certain cultural contexts of touch in the Middle Ages and early modern era in Europe. The author questions the popular schema of the cultural evolution of the senses “from basic medieval touch to modern dominance of sight” and seeks to demonstrate more complex and versatile dynamics of tactile practices. The review problematises synchronic and diachronic approaches to the cultural study of touch and discusses the principles of data choice and analysis in the history and anthropology of the senses.

Keywords: anthropology of the senses, tactility, cultural history, modern society

References

- Berger J., *Ways of Seeing*. London, Harmondsworth: Penguin, 1972, 166 pp.
- Chidester D., ‘The American Touch: Tactile Imagery in American Religion and Politics’, Classen C. (ed.), *The Book of Touch*. Oxford; New York: Berg Publishers, 2005, pp. 49–65.
- Classen C., *The Color of Angels: Cosmology, Gender and the Aesthetic Imagination*. London; New York: Routledge, 1998, 256 pp.
- Classen C. (ed.), *The Book of Touch*. Oxford; New York: Berg Publishers, 2005, 478 pp.
- Classen C., Howes D., Synnott A., *Aroma: The Cultural History of Smell*. New York; London: Routledge, 1994, 256 pp.
- Corbin A., Courtine J.-J., Vigarello G. (dir.), *Histoire du corps: 3 vols*. Paris: Éditions du Seuil, 2005–2006.
- Frieze I. H., Ramsey Sh. J., ‘Nonverbal Maintenance of Traditional Sex Roles’, *Journal of Social Issues*, 1976, vol. 32, no. 3, pp. 133–141.
- Geldard F. A., ‘Cutaneous Channels of Communication’, Rosenblith W. A. (ed.), *Sensory Communication. Contributions to the Symposium on Principles of Sensory Communication, July 19 — August 1, 1959, Endicott House, MIT*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1961, pp. 73–87.
- Gélis J., ‘Le corps, l’église et le sacré’, *Histoire du corps*, vol. 1. Paris: Seuil, 2005, pp. 17–108.
- Gibson J. J., *The Senses Considered as Perceptual Systems*. Boston: Houghton Mifflin, 1966, 335 pp.

- Ginzburg C., *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller* (Trans. by Anne and John Tedeschi). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980, 177 pp.
- Hall E. T., *The Hidden Dimension*. New York: Doubleday, 1966, 201 pp.
- Harvey E. D. (ed.), *Sensible Flesh: On Touch in Early Modern Culture*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002, 328 pp.
- Howes D., 'Charting the Sensorial Revolution', *The Senses and Society*, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 113–128.
- Kreidlin G. E., *Neverbalnaja semiotika: Jazyk tela i estestvennyj jazyk* [Non-verbal Semiotics: The Body Language and the Ordinary Language]. Moscow: NLO, 2002, 581 pp. (In Russian).
- Le Roy Ladurie E., *Montaillou, village occitan, de 1294 à 1324*. Paris: Gallimard, 1975, 642 pp.
- Matthews-Grieco S. F., 'Le corps et les "autres" sexualités: Entre tolérance et répression', Corbin A., Courtine J.-J., Vigarello G. (dirs.), *Histoire du corps*, vol. 1. Paris: Seuil, 2005, pp. 213–234.
- McDaniel E., Andersen P. A., 'International Patterns of Interpersonal Tactile Communication: A Field Study', *Journal of Nonverbal Behavior*, 1998, vol. 22, no. 1, pp. 59–75.
- McLuhan M., *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press, 1962, 293 pp.
- Montagu A., *Touching: The Human Significance of Skin*. New York: Harper&Row, 1971, 494 pp.
- Paterson M., *The Senses of Touch: Haptics, Affects and Technologies*. Oxford; New York: Berg Publishers, 2007, 224 pp.
- Paterson M., Dodge M. (eds.), *Touching Space, Placing Touch*. Ashgate: Farnham, 2012, 271 pp.
- Sacks O., *A Man Who Mistook His Wife for a Hat, and Other Clinical Tales*. New York: Summit Books, 1985, 233 pp.
- Shuter R., 'Proxemics and Tactility in Latin America', *Journal of Communication*, 1976, vol. 26, no. 3, pp. 46–52.
- Smith M. M., *Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History*. Berkeley: University of California Press, 2007, 180 pp.
- Williams T. R., 'Cultural Structuring of Tactile Experience in a Borneo Society', *American Anthropologist*, 1966, vol. 68, no. 1, pp. 27–39.